# И. М. НИКОЛЬСКИЙ

**Никольский Иван Михайлович**
*кандидат исторических наук*
*преподаватель, кафедра всеобщей истории,*
*Институт общественных наук РАНХиГС*
*Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82*
*Тел.: +7 (499) 956-96-47*
*научный сотрудник,*
*Центр «Восточная Европа в античном и средневековом мире»,*
*Институт всеобщей истории РАН*
*Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а*
*Тел.: +7 (495) 954-44-82*
*E-mail: ivan.nikolsky@mail.ru*

# «Раннесредневековое» развитие «позднеантичной» политической модели: «Satisfactio» Драконция в редакциях V и VII вв.

***Аннотация***. Статья посвящена трансформации политической идеологии позднего Рима в условиях постримского мира — в варварских королевствах, возникших в процессе распада Западной Римской империи и существовавших в средиземноморском регионе в V–VII вв. Материалом для работы послужило произведение «Искупление» («Satisfactio»), написанное в конце V в. в Карфагене римским ритором и юристом Драконцием и переизданное в сокращенной редакции в VII в. в Толедо местным епископом Евгением. На этом материале рассматривается вопрос, как эволюционировал образ идеального правителя в поздней империи, а также в королевствах вандалов и вестготов. В статье проводится сравнительный анализ версий Драконция и Евгения с учетом политического, культурного и литературного контекстов их возникновения.

***Ключевые слова***: вестготы, вандалы, Драконций, Евгений II, Исидор Севильский, Римская империя, поздняя античность, раннее Средневековье

Заводя разговор о рецепции тех или иных явлений античной культуры в более поздние эпохи[1], невозможно уйти от вопроса: где проходит граница, по достижении которой можно было бы уверенно определить антич-

[1] В разделе журнала, открывающемся этой статьей, размещены материалы круглого стола «Античность в европейской истории, политике и культуре: Средние века. Новое время. Новейшее время» (ШАГИ РАНХиГС, 13 сентября 2017 г.). Хронику круглого стола см. на с. 234–246. — *Прим. ред.*

© И. М. НИКОЛЬСКИЙ
DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-2-10-22

ность как «прошлое». Если же речь заходит об эпохе варварских королевств, возникших в период распада Западной Римской империи и во многом выросших на ее «обломках» (V–VII вв.), этот вопрос дополняется еще одним: а можно ли провести эту границу в принципе?

С тем, что 476 год — временна́я точка, которой формально принято отделять «Древний мир» от «Средневековья», — очень условна и никак не передает всех нюансов трансформации римского и варварского мира, большинство специалистов согласны уже довольно давно[2]. В этом смысле более или менее компромиссным решением стал взгляд на весь период V–VII вв. как на переходную эпоху, однако оценивать ее как нечто абсолютно однородное — тоже своего рода упрощение. Ситуацию с каждым политическим образованием этого времени, с каждым варварским королевством нужно рассматривать сугубо индивидуально. В зависимости от степени «романизированности», преемственность античной традиции в них ощущалась совершенно по-разному. Очевидно одно: любое противопоставление «античного» «средневековому» применительно к этим хронологическим рамкам видится во многом искусственным, а попытки четко определить различия между ними сводятся к формированию перечня довольно условных критериев и не менее условных договоренностей — что чем считать и что к чему относить — а потому эти определения вынесены в заглавие работы в кавычках.

В настоящей статье, с учетом заявленных в ней хронологических рамок, проблема преемственности античной традиции рассматривается через призму непосредственной и непрерывной трансформации последней. Материалом для соответствующих наблюдений является произведение «Satisfactio» («Искупление») Блоссия Эмилия Драконция — римского поэта, юриста и ритора, выходца из семьи сенатора, жившего в Карфагене в конце V в. Этот текст интересен не только своими жанровыми особенностями (Драконций написал поэму, явно отсылающую к Овидиевым «Тристиям», оформленное в стихах прошение о помиловании, адресованное вандальскому королю Гунтамунду, 484–496), но и своей дальнейшей судьбой. В середине VII в. этот текст — уже в довольно сильно сокращенной редакции — выпустил Евгений II, епископ Толедский (646–657)[3].

Для того чтобы понять, почему и как возникла эта вторая редакция, необходимо представлять себе контекст — политический, культурный, событийный — в котором это произведение создавалось и в котором оно получило вторую жизнь. Королевство вандалов, под властью которых к середине V в. находились все бывшие североафриканские провинции Римской империи, во второй половине столетия столкнулось с системным политическим кризисом. Его важнейшим опознавательным знаком стал конфликт элит. В частности, местная «старая» римская знать, представленная в основном пишущими интеллектуалами[4], неохотно принимала «новую», варварскую, военизирован-

[2] Среди исследователей, стоявших у истоков идеи «долгой поздней античности» (long late Antiquity), можно отметить П. Брауна [Brown 1971]. См. также, например: [Cameron 1993; Kaldellis 2007]. Подробнее о развитии соответствующей концепции см., например: [Селунская 2005].

[3] Подробнее об этих текстах, а также их перевод см. в работе [Никольский 2017а].

[4] Речь идет о представителях так называемого вандальского Ренессанса — о сравнительно широком круге авторов рубежа V–VI вв.: Фульгенции, Флорентине, Катоне, Луксории, Феликсе. Подробнее см.: [Hays 2004; Hen 2007].

ную. Расхождения между этими группами ощущались на самых разных уровнях — и культурном, и этническом (римляне против варваров), и религиозном (католики-римляне против вандалов-ариан).

Параллельно все сильнее обострялись и разного рода внутриэлитные конфликты, в частности борьба за королевский престол среди представителей вандальской знати. При том что фактический основатель и первый правитель королевства Гейзерих (428–477) установил довольно прозрачный и простой порядок престолонаследия, предполагавший передачу трона членам семьи по старшинству[5], на практике эта система дала сбой менее чем через десять лет после его смерти. Третий по счету король вандалов Гунтамунд — тот самый, при котором Драконций написал «Искупление», — пришел к власти в результате продолжительной подковерной борьбы с кланом своего предшественника и непосредственного наследника Гейзериха Хунериха (477–484)[6]. С учетом этих обстоятельств тот факт, что Драконций был арестован за восхваление некой личности, оказавшейся при Гунтамунде persona non grata, не вызывает большого удивления[7].

Рефлексия, возникшая у людей мыслящих и пишущих по поводу внутренних политических конфликтов, породила корпус текстов, объединенных идеей «воспитания» правителя. Получившие образование в соответствии с римской традицией и римскими представлениями о власти, авторы последней четверти V — начала VI в., используя разные жанры[8], воспроизводили привычную для себя модель поведения правителя, на которую должен был ориентироваться читатель. Особенно наглядной в этом смысле можно считать их терминологию: слова и выражения, адресованные королям, напрямую отсылают к титулатуре римских императоров. Важное место среди них занимали эпитеты *piissimus*, *clementissimus*[9], но особенно ярко смотрелось в этом ряду выражение *dominus noster rex*, поставившее в один ряд традиционное для варварских правителей обозначение *rex* и императорский титул *dominus noster*[10].

«Искупление» Драконция с учетом всех обстоятельств его создания можно считать кульминационным выражением рефлексии по поводу внутриполитических катаклизмов и одной из наиболее ярких попыток погасить их через дидактику, «воспитание». Помимо слов покаяния и просьбы автора простить и выпустить его из тюрьмы, в произведении содержится воззвание с настоя-

---

[5] См. об этом, например: [Merrills 2010].

[6] См. об этом: [Merrills 2010].

[7] Для обозначения этого персонажа Драконций использует выражение dominus ignotus (Sat. 93–94). О том, кто это мог быть, единого мнения у исследователей нет. О судьбе и возможном герое «утерянного панегирика» см.: [Merrills 2004; González García 2012].

[8] Например, эпистолярный, как в случае с Фульгенцием, или жанр панегирика, как в случае с Флорентином (см. прим. 4).

[9] Fulg. Ad Thrasamundum. 1.1.1: Triumphalibus tuis sensibus, p i i s s i m e r e x, nequaquam crediderim oblivione subtractum… — «Никогда не поверил бы, благочестивейший король, что позабыт в твоих триумфальных мыслях…»; 1.1.2: Nam studio vestro, c l e m e n t i s s i m e r e x, compertum esse non ambigo apud eos qui Christianae gratiae participatione redempti sunt, pene id esse, fidem nolle asserere, quod negare… — «Ведь я не сомневаюсь, милостивейший король, что от вашего усердия не ускользнуло, что у тех, кто разделяет благодать христианской [веры], признавать, что не знаешь веры, [считается] почти тем же самым, что ее отрицать…».

[10] Подробнее см.: [Никольский 2017b].

тельной рекомендацией королю соответствовать в своем поведении определенному набору качеств — в основном связанных с милосердием и разными способами его проявления. Драконций прямо заявляет о такой необходимости, не только подкрепляя ее богатым терминологическим рядом (*pietas*, *clementia*, *venia*)[11], но и сопровождая примерами, при этом среди прочего упоминая как римских правителей (Цезаря, Октавиана, Тита, Коммода — Sat. 175–190), так и библейских царей (Давида, Соломона — Sat. 157–165). Все это указывает на то, что карфагенский поэт не просто сочинял «Тристию» вслед за Овидием, а создавал определенную политическую модель, которой должны были бы следовать правители, в частности вандальские короли.

Если взглянуть на вестготскую Испанию середины VII в., т. е. времени появления второй редакции «Искупления», определенные ассоциации с вандальской Африкой 150-летней давности неизбежны. Важнейшим сходством можно считать масштабный политический кризис, который королевство вестготов переживало на протяжении практически всего VII в. У его истоков стояли события предыдущего столетия: потеря южногалльских территорий после поражения от франков (507 г.) и прерывание правящей династии Балтов (531 г.), вызвавшее вакуум в системе престолонаследия — и непрерывную цепь узурпаций королевского престола как следствие.

Как и в Африке V–VI вв., в Испании VII в. сложился круг людей, которых можно отнести к интеллектуальной элите, — причем в данном случае имеется в виду не только их уровень образованности, но и возможности определять ключевые политические решения[12]. Известные испанские писатели этого времени занимали должности как минимум епископов, а зачастую — митрополитов, и соответственно имели рычаги влияния на власть, по крайней мере участвуя (тем более председательствуя) на соборах, определявших основные положения канонического права. Речь прежде всего об Исидоре Севильском (ок. 560–636), с именем которого связано не только собственное литературное наследие — и в частности энциклопедический труд в 20 книгах, «Этимологии», — но и возникновение целой плеяды авторов, его учеников и последователей. К их числу относился и Евгений, обучавшийся у ученика Севильца Браулиона Сарагосского (631–651). В 646 г. он стал митрополитом (епископом Толедо) и в этом качестве председательствовал на четырех общегосударственных соборах, в том числе на том, где был принят свод законов, известный как «Вестготская правда» (см.: [Марей 2012]).

Как и в случае с африканскими предшественниками, испанские интеллектуалы реагировали на политическую турбулентность попытками выстроить теоретическую модель внутривластных отношений, стремление к которой позволило бы минимизировать политические конфликты.

Фактическим законодателем мод в этом смысле на многие поколения вперед также стал Исидор. В «Этимологиях» он сформулировал две базовые королевские добродетели, два качества истинно христианского правителя —

[11] Sat. 192–193: ecce quid impendit homini c l e m e n t i a simplex / ut praestet bona dans conferat atque animae; Sat. 109–110: imperet armato p i e t a s tua, prospera mandet / rex dominusque meus semper ubique p i u s; Sat. 119–120: da dextram misero / v e n i a m concede precanti, tempore tam longo non decet ira p i u m.

[12] Из новейших работ об этом см.: [Ауров 2017].

«справедливость» (*iustitia*) и «благочестие» (*pietas*). При этом в рамках его политической модели «благочестие» было приоритетным и фактически сводилось к милосердию, призванному компенсировать излишнюю «суровость» (*severitas*), исходящую от «справедливости»[13].

Евгений, творческое наследие которого составили, среди прочего, дидактические стихи, обращенные к королям («De iustitia», «De misericordia», «De clementia»)[14], действовал строго в русле доктрины Исидора. Он точно так же стремился воспитать в своих читателях — например, в занявшем престол в 649 г. молодом короле Рецесвинте — в первую очередь милосердие. Но эта же доктрина, в свою очередь, вполне соответствовала и концепции, ранее сформулированной Драконцием.

Сходства между Исидором и Драконцием особенно хорошо прослеживаются на уровне терминологии. В частности, обращает на себя внимание употребление слова *pietas*, которое они оба понимают как проявление милосердия. Такое максимально приближенное к *clementia* понимание *pietas* было, с одной стороны, не вполне типично для античной традиции с ее «четырьмя добродетелями щита Августа» — набором необходимых для императора достоинств (*pietas*, *virtus*, *iustitia*, *clementia*)[15]. В этом ряду понятие *pietas* означало «почитание», в буквальном смысле «пиетет» по отношению к старшим и к богам, и четко отделялось от *clementia*, милости именно по отношению к низшим[16]. В то же время похожие случаи его употребления можно зафиксировать, к примеру, у Августина, связывавшего *pietas* с идеей покаяния правителя за собственные грехи и сопутствующего этому прощения подданных[17]. И если все же включать творчество Августина (и Драконция) в «живую» античную традицию, то и Исидорова модель, используемая также и его учениками, в том числе Евгением, вполне в нее укладывается.

При этом, даже если отделять позднеантичную модель Августина и Драконция от условно «классической» античной модели идеального правителя, замечая и обозначившийся смысловой разлом в привычных терминах (как с тем самым словом *pietas*), и нехарактерные для классики линии поведения (покаяние), милосердие правителя все равно окажется общим, объединяющим их элементом.

Термин *clementia* вошел в политический лексикон Рима задолго до того, как в литературе начал формироваться образ «христианского правителя». Его принято связывать еще с именами Цицерона и Цезаря (первый, цитируя

[13] Isid. Etym. IX 3: Regiae virtutes praecipuae duae: iustitia et pietas. Plus autem in regibus laudatur pietas; nam iustitia per se severa est — «Есть две незыблемые королевские добродетели — справедливость и милосердие. Причем больше поощряется наличие у королей милосердия. Ведь справедливость по своей природе сурова».

[14] Опубликованы в: Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. XIV. Berlin: Weidmann, 1905. S. 273, 275.

[15] Возникновение этого «квартета» добродетелей в исследовательской литературе принято связывать с Октавианом: в «Деяниях Божественного Августа» (Res Gestae 34.2 говорится о золотом щите, который «сенат и римский народ» (senatus populusque Romanus) преподнесли императору в награду за «доблесть, милосердие, справедливость и благочестие (virtutis clementiaeque et iustitiae et pietatis causa). Подробнее об этом см., например: [Егоров 1998].

[16] Подробнее см.: [Garrison 1992: 93; Ganiban 2007: 18–19; Егоров 1998].

[17] См., например, «О Граде Божьем» (Aug. De Civ. 17.20).

второго, определил «милосердие» как «новый способ побеждать», nova ratio vincendi — Cic. Ad Att. 9.7c), а еще более прочно в терминологическом аппарате он закрепился благодаря одноименному трактату Сенеки «De Clementia», «О милосердии» [Syme 1958: 414; Earl 1967: 60; Konstan 2005].

Вокруг именно этого качества строится вся модель Драконция, и вокруг него же прежде всего — также модель Исидора, «уравновесившего» справедливость милосердием. Наконец, так же — причем в том числе и независимо от Драконция — строит свою политическую модель и Евгений, действовавший, не выходя за рамки Исидоровой парадигмы: его стихотворения «О милосердии», «О справедливости» написаны в соответствии именно с ней [Марей 2012: 30].

Существование такой преемственности позволяет, на мой взгляд, опровергнуть точку зрения исследователя творчества Драконция М. Тиццони, который, сравнив «вандальскую» и «вестготскую» версии «Искупления», отнес их к разным культурам. Тиццони пришел к выводу, что первая из них принадлежала еще ко вполне живой классической традиции, вторая же была сугубо «средневековой». В качестве главного аргумента исследователь выдвинул чрезмерную лаконичность Евгения [Tizzoni 2012: 258–279].

«Вестготская» версия действительно оказалась в полтора раза короче оригинала (220 строк против 316). Евгений (по вполне справедливому наблюдению Тиццони) исключил из текста фрагменты, либо связанные с личными переживаниями Драконция (просьбы выпустить его «из оков», не мучить его близких и т. п. — Sat. 280–285; 315–318), либо определяющие специфический «вандальский» контекст. Так, Евгений вычеркнул слова о «славе Асдингов», которую автор «Искупления» так хотел бы «воспеть» и в стихотворении жалел, что не сделал этого вовремя[18].

Эта лаконичность Евгения, по мнению М. Тиццони, стала выражением принадлежности толедского епископа к абсолютно аскетичной, построенной на идеализации монашеского образа жизни культуре, стремящейся к избавлению от всего лишнего, что могло бы пойти в ущерб дидактике. Такой контекст, по мнению Тиццони, означал исключительно механическое использование уже мертвых приемов и образов, взятых из античности, — или во всяком случае не ощущавшихся как живые.

---

[18] Ср. текст в редакции Драконция (Sat. 19–26: Sic mea corda deus, nostro peccante reatu / Temporis immodici, pellit ad illicita, / Ut qui facta, ducum posse narrare meorum, / *Nominis Asdingui bella triumphigera*, / Unde mihi merces posset cum laude salutis / Munere regnantis magna venire simul, / Praemia despicerem tacitis tot regibus almis, / Ut peterem subito certa pericla miser — «Так что я, который мог бы живописать деяния моих вождей, триумфальные именем Асдинга войны, Что могло бы принести мне великую награду и славу ‹…› презрел награды ‹…› чтобы тут же навлечь на себя верную беду») — и Евгения (Sat. 19–24: Sic mea corda, deus, lingua patrante reatum // Noxia culpa ligans traxit ad inlicita, / Ut, qui facta ducum possem narrare meorum, / Unde mihi possent dona venire simul, / Praemia despicerem tacitis / tot regibus almis / Et peterem subito certa pericla miser — «Так что я, который мог бы описать деяния моих вождей, ‹***› Что могло бы принести мне великие дары, — ‹***› Я презрел награды столь многих неназванных царей-кормильцев и тут же навлек на себя верную беду, несчастный»). Тройной астериск в угловых скобках маркирует отсутствие здесь слов, присутствующих в другой редакции.

Однако стоит отметить, что М. Тиццони пришел к такому заключению, сравнивая тексты Евгения и Драконция исключительно с точки зрения стилистики, а также основываясь на анализе loci similes — параллелей с «Satisfactio», обнаруженных им в Библии и классической античной литературе. Если же рассмотреть саму по себе политическую модель, которую выстраивал Драконций и использовал Евгений, картина получится совершенно иной.

Драконций и Евгений, безусловно, принадлежали к одной политической культуре, за формированием и сохранением которой стояли также фигуры как минимум Августина и Исидора Севильского. Но стоит отметить, что влияние Драконция на последующую традицию и политическую идеологию вестготской Испании не ограничивалось трансляцией набора терминов, регулирующих поведенческие стратегии правителей.

В «Искуплении» особое внимание обращают на себя персонажи, которых Драконций (как впоследствии и Евгений) использовал в качестве примеров «правильного» поведения короля. Среди них, как уже говорилось, есть не только римские императоры, но и библейские цари, Давид и Соломон. И в контексте их появления выражение *dominus noster rex*, известное как определение вандальских (а впоследствии, к слову, и вестготских) королей и фигурировавшее в этом качестве также в тексте «Satisfactio» в обеих редакциях, играет новыми красками.

Дело в том, что это выражение, помимо того что является сочетанием императорского и королевского варварского титулов, еще и отсылает к ветхозаветной традиции. Выражение «господин [и] царь» или «господин наш царь» (*dominus rex*, *dominus noster rex*) далеко не один раз использовалось в соответствующей части Священного Писания по отношению к тому же Давиду[19]. А эта отсылка очень важна с учетом уже дальнейшего развития политической идеологии как в вестготской Испании, так и в Европе VII в. и последующих нескольких столетий в целом.

Основным средством трансляции этой идеологии продолжали оставаться тексты. И одним из самых ярких произведений, написанных с несомненно пропагандистскими целями, стала «История короля Вамбы» — текст под авторством Юлиана Толедского, ученика Евгения.

Это произведение посвящено событиям 672–673 гг., т. е. первого года правления короля Вамбы, занимавшего престол Толедского королевства с 672 по 680 г.[20] Три основных события, вокруг которых разворачивается повествование, — избрание Вамбы, мятеж его полководца Павла в Галлии (куда последний был отправлен для подавления другого мятежа и где провозгласил себя королем) и военная экспедиция против этого мятежа. Основная интрига состоит в противостоянии законно избранного правителя и мятежника, весь дидактический пафос — в их противопоставлении.

При этом реальные Вамба и Павел имели весьма опосредованное отношение к тому, что описывалось в «Истории». Скорее и этих персонажей, и пересказанные в сочинении Юлиана события можно считать рамочной конструкцией, в которую встроена разработанная им политическая модель. Показательный момент: Юлиан почти никогда не называл главного героя сво-

[19] См.: 1Reg. 1:2, 1:11, 1:13, 1:18, 1:20, 1:21, 1:24, 1:27, 1:31, 1:36, 1:37, 1:43, 1:47; 2Sam 15:15.
[20] Перевод латинского текста (HW) на русский язык см. в [Юлиан 2006].

его произведения, Вамбу, по имени. Для его обозначения он, как правило, использовал формулу *princeps religiosus*, «добродетельный правитель».

По целому ряду признаков в основе политической модели, построенной Юлианом (а в том, что он в ее конструировании был значительно более смелым и независимым от доктрины Исидора, чем Евгений, пожалуй, нет сомнений), можно обнаружить отсылки к Ветхому Завету, а именно к образам библейских царей.

Особенно сильна эта параллель, когда речь заходит о вступлении Вамбы на престол. Юлиан отмечает, что новоизбранный король принял помазание, причем обряд сопровождался чудом: над головой помазанного возник столб света, и с нее слетела пчела[21].

«История» Юлиана Толедского стала первым случаем, когда этот ритуал засвидетельствован и как-то описан[22]. Однако в контексте проблематики настоящей работы более важно даже не то, когда этот обряд был зафиксирован, а то, когда за его описанием стала видеться конкретная поведенческая модель, — и здесь Юлиан действительно оказался новатором. Если его предшественники, рисуя портрет идеального правителя, так или иначе опирались на римскую модель, базировавшуюся на четырех добродетелях щита Августа, то в «Истории» возникает образ правителя чрезмерно сильного, сильного настолько, что он стоит и над подданными, и над законом.

Особенно показателен в этом смысле эпизод с описанием того, как Вамба наказывал солдат-насильников из своего войска. Герой «Истории» (и здесь речь идет именно о Вамбе-персонаже, а не о реальном прототипе) наказал виновных, совершив то ли их оскопление, то ли обрезание. Ни того, ни другого действовавшее тогда законодательство не предполагало, а за последнее по отношению к христианам еще и жестоко карало[23]. Однако дальнейшие слова Юлиана — «свидетельствует об этом крайняя плоть некоторых насильников» — вызывают прямую параллель с текстом первой Книги Царств. В ней известен эпизод, когда царь Давид принес Саулу крайнюю плоть поверженных филистимлян[24], который Юлиан и повторил почти дословно[25].

Возможные причины такого поворота в идеологии обнаружить нетрудно — достаточно взглянуть на сопутствовавшие события. Политический кризис, долгие годы остававшийся без разрешения, привел к тому, что в 670-е годы вестготское королевство стало de facto распадаться на части — при активном участии близкой ко двору аристократии — а короли были не в силах ни остановить этот процесс распада, ни умерить амбиции знати. Показателен сам сюжет «Истории»: два мятежа подряд, второй из которых возглавлен са-

---

[21] HW 4: euaporatio quaedam fumo similis in modum columnae sese erexit in capite, et e loco ipso capitis apis uisa est prosilisse, quod utique signum cuiusdam felicitatis sequuturae speciem portenderet — «Тут же с его (Вамбы. — *И. Н.*) макушки, помазанной елеем, пошло испарение, подобно столбу вставшее над его головой, и было видно, как с этого места на его голове слетела пчела, возвестившая о благополучии, которое должно наступить в будущем».

[22] См., например: [Diaz, Valverde 2000: 78].

[23] На это обращает внимание, в частности, издавший «Историю» в английском переводе Х. М. Писарро [Pizarro 2005: 133].

[24] 1Sam 18:25: Centum praeputia Philistinorum, ut fiat ultio de inimicis regis… 18:27: Et percussit ex Philistiim ducentos viros, et attulit eorum praeputia…

[25] HW 10: Testantur e hoc praecisa quorundam adulterorum praeputia.

мопровозглашенным королем. Запрос на образ правителя — «сильной руки» в пропагандистской риторике был очевиден.

При всех замеченных нюансах новая идеологическая конструкция выросла из зародыша, оформившегося еще в эпоху Римской империи. Любые параллели с ветхозаветными царями были очень редкими — можно сказать, маргинальными для нее, но они существовали уже и в V, и в IV в. До Драконция эти образы эксплуатировали, в частности, Августин и Амвросий (последний — приводя в пример Феодосию Давида). Благодаря Евгению «Искупление» Драконция стало своеобразным «мостиком», вряд ли единственным и эксклюзивным — но по крайней мере одним из связующих звеньев, обусловивших то, что идеологическая модель, предполагавшая использование таких образов, обрела новую почву. Когда политическая конъюнктура сформировала потребность в новом образе правителя, именно это направление и получило развитие.

На вопрос, свидетельствовали ли эти ветхозаветные отсылки, присутствующие у Юлиана, о том, что его мир был уже полностью «средневековым», однозначно ответить сложно. С одной стороны, они привязывали его концепцию к практикам более поздних политических образований — а именно к помазанию, известному, помимо самой вестготской Испании, по империи Каролингов и Византии, где этот ритуал стал фиксироваться не ранее чем в X в.[26] С другой — ряд иных политических практик, на которых Юлиан сделал акцент как на вещах, важных для обоснования легитимности правителя, отсылает все же к античной традиции. Среди них можно отметить обязательное и единодушное провозглашение претендента на престол правителем со стороны подданных[27], которое с учетом использованной Юлианом терминологии («народ и родина избрали»)[28] имело явную параллель с римской формулой «сенат и римский народ» (*Senatus populusque Romanus*).

Не претендуя на то, чтобы в рамках настоящей работы окончательно решить дискуссионный вопрос об «античном» или «средневековом» характере политической концепции, сформулированной учеником Евгения Толедского, можно констатировать: даже если в его случае уместнее говорить о некой «римской» модели, это была уже ее модификация, весьма далекая от классических образцов. Мир Амвросия, Августина, Драконция, Исидора и Евгения отличался от мира Юлиана. Для первых идеальный правитель был «христианским» прежде всего в смысле милосердия, и образы библейских царей они использовали в этом ключе; второго же образцового короля воплощал властный и брутальный субъект, способный обуздать мятежную знать и остановить развал королевства.

## Литература

Ауров 2017 — Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII века): Исследования и переводы / Сост. О. В. Ауров. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017.

[26] О помазании у Каролингов см.: [de Jong 2005]. О помазании византийских императоров см.: [Успенский 2000: 20].

[27] О процедуре Acclamatio (провозглашения Вамбы королем) см.: HW 2–3.

[28] HW 2: …totius gentis et patriae communio elegit…

Егоров 1998 — *Егоров А. Б.* Добродетели щита Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры: Сб. ст. / Под ред. И. Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 280–293.

Марей 2012 — *Марей Е. С.* Образ правителя в стихах Евгения Толедского и его параллели с «Книгой приговоров» (Liber Iudiciorum) // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. Всеобщая история. 2012. № 9 (89). С. 24–33.

Никольский 2017a — *Блоссий Эмилий Драконций*. Искупление / Пер. с лат. И. М. Никольского // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. Т. 16. 2017. С. 73–106.

Никольский 2017b — *Никольский И. М.* Dominus noster rex — что означала надпись на вандальских монетах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье / Отв. ред. А. С. Щавелев; Отв. ред. серии Е. А. Мельникова. М.: Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского; Рус. фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 247–260.

Селунская 2005 — *Селунская Н. А.* «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» (Central European University) // Вестник древней истории. 2005. № 1. С. 249–253.

Успенский 2000 — *Успенский Б. А.* Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000.

Юлиан 2006 — *Юлиан Толедский*. История короля Вамбы / Пер. с лат. И. М. Никольского, под ред. О. В. Аурова и К. И. Тасица, вступ. ст. и коммент. И. М. Никольского, О. В. Аурова // Кентавр = Centaurus (Studia classica et Medievalia). 2006. № 3. С. 204–232.

Brown 1971 — *Brown P.* The world of Late Antiquity: AD 150–750. New York: Folio Society, 1971.

Cameron 1993 — *Cameron A*. The Mediterranean world in Late Antiquity, A. D. 395–600. London: Routledge, 1993.

de Jong 2005 — *de Jong M*. Charlemagne's Church // Charlemagne: Empire and society / Ed. by J. Story. Manchester: Manchester Univ. Press, 2005. P. 103–135.

Diaz, Valverde 2000 — *Diaz P., Valverde M. R.* The theoretical strength and practical weakness of the Visigothic Monarchy of Toledo // Rituals of Power. From Late Antiquity to the Early Middle Ages / Ed. by F. C. W. J. Theuws, J. L. Nelson. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. P. 59–94.

Earl 1967 — *Earl D*. The moral and political tradition of Rome. London: Thames & Hudson, 1967.

Ganiban 2007 — *Ganiban R. T.* Statius and Virgil: The *Thebaid* and the reinterpretation of the *Aeneid*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.

Garrison 1992 — *Garrison J. D*. Pietas from Vergil to Dryden. Pennsylvania: Pennsylvania State Univ. Press, 1992.

González García 2012 — *González García A*. Hunerico y Draconcio. La imperialización del reino vándalo y la represión de la disidencia // Herakleion. Vol. 5. 2012. P. 71–83.

Hays 2004 — *Hays G.* Romuleis Libicisque Litteris: Fulgentius and the 'Vandal Renaissance' // Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa / Ed. by A. Merrills. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 101–132.

Hen 2007 — *Hen Y*. Roman barbarians. The royal court and culture in the Early Medieval West. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

Kaldellis 2007 — *Kaldellis A*. Hellenism in Byzantium. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.

Konstan 2005 — *Konstan D*. Clemency as a virtue // Classical Philology. Vol. 100. No. 4. 2005. P. 337–346.

Merrills 2004 — *Merrills A*. The perils of panegyric: The lost poem of Dracontius and its consequences // Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa / Ed. by A. Merrills. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 145–162.

Merrills 2010 — *Merrills A*. The secret of my succession: Dynasty and crisis in Vandal North Africa // Early Medieval Europe. Vol. 18. No. 2. 2010. P. 135–159.

Pizarro 2005 — *Pizarro J. M*. The Story of Wamba. Julian of Toledo's *Historia Wambae Regis*. Washington: The Catholic Univ. of America Press, 2005.

Syme 1958 — *Syme R*. Tacitus. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1958.

Tizzoni 2012 — *Tizzoni M. L*. The poems of Dracontius in their Vandalic and Visigothic contexts. Leeds: Univ. of Leeds, 2012.

## Сокращения

Aug. De Civ. = S. Aurelii Augustini De civitate Dei // Corpus Christianorum. Series Latina, 47–48. Turnhout: Brepols, 1955.

Cic. Ad Att. = Cicero, M. Tullius. Ad Atticum // M. Tullii Ciceronis opera quae supersunt. T. 11. Leipzig: Fleischer, 1816.

Fulg. Ad Thrasamundum = St. Fulgentii Ad Thrasamundum libri tres // Corpus Christianorum, Series Latina. T. 91. Turhout: Brepols, 1968. S. 97–185.

HW = Julianus Toletanus. Historia Wambae Regis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum. T. 5. Hannover; Leipzig: Hahn, 1910. S. 501–526.

Isid. Etym = Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive Originvm libri XX / Ed. by W. M. Lindsay. Oxford: Oxford Univ. Press, 1911.

Res Gestae = Res Gestae Divi Augusti // Velleius Paterculus. Compendium of Roman History, Res Gestae Divi Augusti / Ed. by T. E. Page. London; Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 1924 (Loeb Classical Library). P. 344–405.

Sat. = Blossius Aemilius Dracontius. Satisfactio ad Gunthamundum regem Wandalorum / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. XIV. Berlin: Weidmann, 1905. S. 114–131.

1Reg = 3-я Книга Царств (Библия, Ветхий Завет).

1Sam = 1-я Книга Царств (Библия, Ветхий Завет).

2Sam = 2-я Книга Царств (Библия, Ветхий Завет).

## The 'Late Antique' political model in the 'Early Medieval' context: *Satisfactio* by Dracontius in 5th and 7th century redactions

**Nikolsky, Ivan M.**
*PhD (Candidate of Science in History)*
*Researcher, Center 'Eastern Europe in the Ancient and Medieval World',*
*Institute of World History, Russian Academy of Sciences*
*Russia, 119991, Moscow, Leninsky prospect, 32a*
*Tel.: +7(495)954-44-82*
*Lecturer, Department of World History, Institute of Social Sciences,*
*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*
*Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo 82*
*Tel.: +7 (499) 956-96-47*
*E-mail: ivan.nikolsky@mail.ru*

***Abstract***. The article deals with the problem of transformation of the political ideology in the Late Roman Empire and in the post-imperial world, in the barbarian kingdoms that appeared during the period of decline and fall of the West Roman Empire and existed in the Mediterranean region. The main source for our work is the poem *Satisfactio*, written in Carthage at the end of the 5th century by the Roman rhetor and lawyer Dracontius, and republished in an abridged version in the 7th century in Toledo by the bishop of this city, Eugene. Based on this material, we examine the question of how the image of an ideal ruler had been evolving in the Late Empire, as well as in the Vandal and Visigothic kingdoms.

***Keywords***: Visigoths, Vandals, Dracontius, Eugene II, Isidore of Seville, Roman Empire, Late Antiquity, Early Middle Ages

## References

Aurov, O. V. (Ed.). *Teologiia i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvakh vestgotov (V — nachalo VIII veka): Issledovaniia i perevody* [Theology and policy. Power, Church and text in Visigothic kingdoms (V–VIII centuries A.D.): Studies and translations]. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS. (In Russian).

Brown, P. (1971). *The world of Late Antiquity: AD 150–750*. New York: Folio Society.

Cameron, A. (1993). *The Mediterranean world in Late Antiquity, A. D. 395–600*. London: Routledge.

de Jong, M. (2005). Charlemagne's Church. In J. Story (Ed.) *Charlemagne: Empire and society*, 103–135. Manchester: Manchester Univ. Press.

Diaz, P., Valverde, M. R. (2000). The theoretical strength and practical weakness of the Visigothic monarchy of Toledo. In F. C. W. J. Theuws, J. L. Nelson (Eds.). *Rituals of power: From Late Antiquity to the Early Middle Ages*, 59–94. Leiden; Boston; Köln: Brill.

Earl, D. (1967). *The moral and political tradition of Rome*. London: Thames & Hudson.

Egorov, A. B. (1998). Dobrodeteli shchita Avgusta [Virtues of the Shield of Augustus]. In I. Ia Froianov (Ed.). *Antichnyi mir. Problemy istorii i kul'tury* [The ancient world. Problems of history and culture], 280–293. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU. (In Russian).

Ganiban, R. T. (2007). *Statius and Virgil: The Thebaid and the reinterpretation of the Aeneid.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Garrison, J. D. (1992). *Pietas from Vergil to Dryden*. Pennsylvania: Pennsylvania State Univ. Press.

González García, A. (2012). Hunerico y Draconcio. La imperialización del reino vándalo y la represión de la disidencia. *Herakleion, 5*, 71–83. (In Spanish).

Hays, G. (2004). Romuleis Libicisque Litteris: Fulgentius and the 'Vandal Renaissance'. In A. Merrills (Ed.). *Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa*, 101–132. Aldershot: Ashgate.

Hen, Y. (2007). *Roman barbarians. The royal court and culture in the Early Medieval West*. New York: Palgrave Macmillan.

Kaldellis, A. (2007). *Hellenism in Byzantium*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Konstan, D. (2005). Clemency as a virtue. *Classical Philology, 100*(4), 337–346.

Marei, E. S. (2012). Obraz pravitelia v stikhakh Evgeniia Toledskogo i ego paralleli s "Knigoi prigovorov" (Liber Iudiciorum) [The image of the sovereign in the poems of Eugenius

of Toledo and its parallels with the Visigothic Code (Liber Iudiciorum)]. *Vestnik RGGU* [RSUH/RGGU Bulletin], Ser. *Istoricheskie nauki. Vseobshchaia istoriia* [Historical studies. General history]*, 2012*(9(= 89)), 24–33. (In Russian).

Merrills, A. (2004). The perils of panegyric: The lost poem of Dracontius and its consequences. In A. Merrills (Ed.). *Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa*, 145–162. Aldershot: Ashgate.

Merrills, A. (2010). The secret of my succession: Dynasty and crisis in Vandal North Africa. *Early Medieval Europe, 18*(2), 135–159.

Nikol'skii (Nikolsky), I. M. (Trans.) (2017a). Blossii Emilii Drakontsii. Iskuplenie [Blossius Aemilius Dracontius. *Satisfactio*]. *Aristei: Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii* [Aristeas. Journal of Classical Philology and Ancient History]*, 16*, 73–106. (In Russian).

Nikol'skii (Nikolsky), I. M. (2017b). *Dominus noster rex* — chto oznachala nadpis' na vandal'skikh monetakh [*Dominus noster rex* — What's hidden behind the inscription on Vandal coins?]. In A. S. Shchavelev, E. A. Melnikova (Eds.). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2015 god: Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekov'e* [The earliest states of Eastern Europe. 2015: Economic systems of Early Medieval Eurasia], 247–260. Moscow: Izdatel'stvo Universiteta Dmitriia Pozharskogo; Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke. (In Russian).

Nikol'skii (Nikolsky), I. M. (Trans.), Aurov, O. V., Tasits, K. I. (Eds.), Nikol'skii, I. M., Aurov, O. V. (Intro. and Comment.) (2006). Iulian Toledskii. Istoriia korolia Vamby [Julian of Toledo. *History of King Wamba*]. *Kentavr = Centaurus (Studia classica et Medievalia), 2006*(3), 204–232. (In Russian).

Pizarro, J. M. (2005). *The Story of Wamba. Julian of Toledo's Historia Wambae Regis*. Washington: The Catholic Univ. of America Press

Selunskaia, N. A. (2005). "Late Antiquity": istoricheskaia kontseptsiia, istoriograficheskaia traditsiia i seminar "Empires Unlimited" (Central European University) ["Late Antiquity": The concept, the context of historiography and "Empires Unlimited" Seminar (Central European University)]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History]*, 2005*(1), 249–253. (In Russian).

Syme, R. (1958). *Tacitus* (Vol. 1). Oxford: Clarendon Press.

Tizzoni, M. L. (2012). *The poems of Dracontius in their Vandalic and Visigothic contexts*. Leeds: Univ. of Leeds.

Uspenskii, B. A. (2000). *Pomazanie na tsarstvo i semantika monarshikh titulov* [Royal unction and the semantics of monarchical titles]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).

*To cite this article:*

Nikolsky, I. M. (2018). "Rannesrednevekovoe" razvitie "pozdneantichnoi" politicheskoi modeli: "Satisfactio" Drakontsiia v redaktsiiakh V i VII vv. [The 'Late Antique' political model in the 'Early Mediaeval' context: *Satisfactio* by Dracontius in 5th and 7th' century redactions]. *Shagi / Steps, 4*(2), 10–22. (In Russian).

*Received January 11, 2018*